

Введение в исчисление сред

Йоэль РЕГЕВ

Доцент, Центр практической философии «Стасис»,
Европейский университет в Санкт-Петербурге (ЕУСПб).
Адрес: 191187, Санкт-Петербург, ул. Гагаринская, 6а.
E-mail: yoel.regev@gmail.com.

Ключевые слова: Луи Альтюссер; Иммануил Кант;
Готфрид Вильгельм Лейбниц; Лукреций; Маттео
Пасквинелли; алеаторный материализм; атомизм; жест;
коинциденология; трансцендентальный схематизм;
тиджейнг.

Статья посвящена попытке современной апроприации и развития атомизма Лукреция, предпринятой в поздней философии Луи Альтюссера. «Алеаторный материализм», разрабатываемый Альтюссером во фрагментах, написанных в 1980-е годы, исходит из утверждения о контингентности всякого мира, являющегося случайным сцеплением атомов, возникающим в результате клинамена. При этом «мир» понимается Альтюссером расширительно, характеризуя не только космос и мир в целом, но и любую данную ситуацию. Утверждая зависимость всякого смысла и всякой необходимости от того или иного типа соединения атомов, Альтюссер вплотную подходит к постановке вопроса о «принципах сцепляемости» — субсемантических принципов, детерминирующих семантическое, но находящихся вне области смысла. Однако эти принципы описываются Альтюссером лишь метафорически и недетализированно.

Цель статьи состоит в дальнейшей разработке этих принципов, намечаемых в «алеаторном материализме». Помещение поздней философии Альтюссера в контекст линии мысли, соединяющей Лейбница и Канта, позволяет прояснить значимость альтюссеровской проблематики для вопроса о «тиджейнге» — имманентных протоколах перенарезания и сшивания возможных миров и темпоральных рядов. В развитие кантовского понятия «трансцендентального схематизма» статья предлагает систему четверичного жестового кода и основанных на нем двенадцати базисных сред, позволяющую дать имманентный ответ на вопрос о «принципах сцепляемости» атомов и стать основой для деятельности вычислительного автомата нового типа, противостоящего двум базисным видам машин Нового времени: углеродно-энергетической и кремниевое-информационной.

А. Предварительные определения

1.

ИСЧИСЛЕНИЕ сред — это базисный код для машины нового типа. В противоположность карбоново-энергетическим машинам, передвигающим тела, но оставляющим без изменения сознание (или изменяющим его лишь опосредованно, через перемещение тел), и силиконово-информационным машинам, изменяющим сознание, но не влияющим на тела (или влияющим опосредованно, через изменение сознания), эта новая машина является абсолютной. Она трансформирует основания ситуации в целом. «Сама земля движется под ногами»¹ — и это движение, приводящее к изменению прошлого и будущего, может стать предметом точного вычисления.

Кантовская коперниканская революция, ставящая движения миров опыта в зависимость от операций трансцендентальных механизмов, представляющих из себя ту почву, на которой мы всегда покоимся, но движения которой не замечаем, — предвестие этой механики нового типа. Мечта Николая Федорова и космистов о превращении планет в управляемые космические корабли — метафорическое осознание требования продолжения кантовского переворота, превращения движения почвы под ногами в методологически исчисляемое и управляемое. Калькуляция сред, основанная на четверичном коде минимального соприкосновения, позволяет осуществить реальный захват почт, банков и телеграфов, ответственных за это движение, и сделать так, чтобы оно перестало быть абстрактной мечтой и фантазией. Исчисление сред — это путь к тому, чтобы вырвать из рук «природы» принципы «скрытого в глубине искусства»² нарезания и сшивания миров и стать по-настоящему просвещенными: научиться воспитывать воспитателей и детерминировать то, что детерминирует нас.

1. *Luria I. Shaar mamarey Razal (The Gate of Sayings of the Wise)*. Jerusalem: A haim ve ha shalom, 1978. P. 9.

2. *Кант И.* Критика чистого разума // *Собр. соч.*: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3. С. 223.

Маттео Пасквинелли³ описывает историю современной индустриальной цивилизации как «двуглавую химеру», головами которой, произрастающими из индустриальной машины XIX века, являются Энергия и Информация. Каждая из этих голов, постоянно сражающихся за гегемонию, но при этом зависимых друг от друга, кладет начало одной из двух линий технологического развития: это цивилизации Углерода и Силикона, для первой из которых энергия является медиумом движения, а для второй — контроля и коммуникации. Капитализм фордистского типа определяется доминированием первой из этих цивилизаций, а постфордистский — второй; в нынешней же ситуации, по мнению Пасквинелли, возникает объединяющий их «кибер-ископаемый» (*cyberfossil*) капитал.

Эта классификация любопытным образом напоминает другую, предложенную Исааком Лурией в каббалистическом трактате «Шаги Авраама» в конце XVI века. Лурия излагает основные принципы своего учения, связывая их с типологией «*кефицат ха дерех*» — ускоренного преодоления/перепрыгивания пути. Первый тип ускоряющего прыжка, согласно этой типологии, осуществляется с помощью магического-технического воздействия на объект (например, облако или посох), который затем переносит воздействующего туда, куда ему нужно попасть. При втором же типе ускоренного преодоления пространства совершающий его практически не движется: его руки и ноги увеличиваются так, что «может он достичь всего, чего пожелает», совершив всего несколько шагов (с этим типом ускоренного перемещения связывается также возможная помощь ангелов или душ мертвых в понимании текстов и усвоении тех или иных типов знания). Обои́м этим модусам автоматизации, характеризуемым как «женский» и «мужской», а также как «демонический» и «ангелический» (хотя эти классификации и не полностью совпадают), противопоставляется абсолютный, или божественный, автомат. О способе действия последнего ничего не сообщается, и он представляет из себя скорее некоторый предел или утопически-мессианский горизонт. Именно такой абсолютной машиной, противостоящей фальшивому и чисто механическому соединению «кибер-ископаемого» автомата, и должна стать машина исчисления сред.

3. Pasquinelli M. The Automaton of the Antropocene: On Carbosilicon Machines and Cyberfossil Capital // South Atlantic Quarterly. 2017. Vol. 116. № 2. P. 311–326.

2.

Машина исчисления сред — это жест-машина, осуществляющая нарезание и сшивание миров с целью получения лучшего из возможных (в данной ситуации). Данные миры (стороны основного конфликта ситуации) служат для нее перерабатываемым материалом, а лучший из возможных миров — ее конечный продукт. Впрочем, здесь следует сразу оговориться: машина работает вне экономики продуцирования, поэтому о продукте здесь можно говорить только в косвенном смысле. Она не производит ничего нового, она лишь выявляет, нарезает и сшивает; новое является лишь побочным результатом и следствием этих действий.

В функционировании машины исчисления сред можно выделить две главные фазы: выявление основного конфликта ситуации и превращение империалистической войны между мирами в гражданскую войну⁴. Первая фаза — это в некотором смысле предварительная обработка материала, трансформирующее чтение ситуации, буквами и словами для которого служат базисные единицы кода грамматики сред, выявление того, какие миры на настоящий момент являются возможными и какие участки в них оптимальные. Вторая фаза представляет собой вырезание этих оптимальных отрезков и сшивание их вместе в соответствии с правилами сцепляемости, основывающимися на типологии сред. Результатом становится образование нового участка, лучшего, /сшитого/ из возможных.

Машина сред, таким образом, представляет собой оптимизирующую систему: главным принципом ее действия является оптимальное микширование.

3.

С исторической точки зрения можно выделить три основных этапа выявления (кристаллизации) машины исчисления сред — или три типа производственных отношений, в которых предпринимались последовательные попытки ее разворачивания. Здесь они могут быть описаны только вкратце, с целью дать общее представление о машине и характере тех проблем, которые она призвана разрешать. Для этого определим каждый из этапов в соот-

4. О выявлении основного конфликта ситуации и расколе его сторон см. подробнее: *Регев Й.* Коинцидентология: краткий трактат о методе. СПб.: demarche, 2015. С. 33–55.

ветствии с характером его главного действующего лица, оператора машины (не упуская при этом из виду, что трансформация оператора указывает на изменение всего модуса ее функционирования), как модусы «привередливого покупателя», «усердного ремесленника» и «безбилетного пассажира».

Первый из этих этапов может быть условно охарактеризован как «теологический» (в этом нет ничего необычного: и углеродная, и силиконовая машины изначально представлялись находящимися в руках божеств, мечущих молнии, сотрясающих землю или видящих на расстоянии и сквозь стены). Оператором машины здесь является лейбницеvский Бог, выбирающий лучший мир из множества возможных, претендующих на существование⁵. Этот шопинг миров, божественное хождение между витринами принадлежит некоторому абсолютному прошлому, полностью отделенному от какой бы то ни было реальной ситуации. Он, само собой, не предполагает никакой возможности активного человеческого вмешательства, поскольку мы существуем лишь вследствие этого уже раз и навсегда осуществленного выбора. Более того, выбор этот по сути своей не предполагает возможности выбирать по-другому, поскольку, будучи бесконечно благ, Бог может выбрать только наилучший из возможных миров.

Главным, однако, здесь является сам вопрос о «совозможности» — о тех принципах, которые делают миры, а также события в них совместимыми и несовместимыми. Лейбниц настаивает, что речь идет не о логической несовозможности, а о некотором особом поле, где действуют законы своего рода укладываемости и неукладываемости, сочетаемости и несочетаемости⁶. Познание этих законов, по мнению Лейбница, «превосходит силы конечного духа, особенно когда он не дошел до лицезрения Бога»⁷.

Деятельность по выбору лучшего из возможных миров, таким образом, описывается здесь в отчужденной и мифологизированной форме. По сути дела, само предположение о том, что она осуществляется, представляется результатом некоторого вымысла или спекулятивного рассуждения, имеющего мало отноше-

5. Лейбниц Г. В. Порядок есть в природе // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. С. 235.

6. Подробнее о принципе «несовозможности» и недопустимости его сведения к принципу противоречия см.: *Yakira E. Contrainte, nécessité, choix: la métaphysique de la liberté chez Spinoza et chez Leibniz.* Zurich: Editions du Grand Midi, 1989. Ср. также: *Делёз Ж.* Складка: Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1998. С. 104.

7. Лейбниц Г. В. Указ. соч. С. 128.

ния к реальности. Однако сама задача оказывается сформулирована и ее контуры очерчены. Более того, несмотря на заявление о том, что принципы «совозможности» превосходят силы конечного духа, Лейбниц делает существенную оговорку:

Тем не менее можно сделать несколько общих замечаний относительно способа действия провидения при управлении общим ходом вещей. Можно сказать, что тот, кто действует совершенным образом, похож на хорошего геометра, который умеет находить наилучшее решение какой-либо задачи; на хорошего архитектора, который наивыгоднейшим образом использует место и средства, предназначенные для постройки, не допуская ничего режущего глаз и не позволяя ничему быть лишенным той красоты, которую оно могло бы иметь; на хорошего хозяина, который так распоряжается своим имуществом, что у него ничего не остается невозделанным или бесплодным; на искусного механика, который достигает своих целей наименее затруднительным, насколько это возможно, путем; на умелого автора, который включает наибольшее содержание в возможно наименьший объем⁸.

Это базисное определение области совозможного как своего рода знания о том, как втиснуть, уместить, растрясти, правильно расположить, знания об уместяющемся и не уместяющемся, о прикрепляющемся и не прикрепляющемся, имеющем дело с некоторого рода соединяемостью и втискиваемостью, предшествующей созданию миров, подготавливает почву для конкретизации и имманентизации действия машины сред.

4.

Следующим этапом этой имманентизации становится кантовская критическая философия. Место Бога, выбирающего лучший из возможных миров, занимает здесь трансцендентальный субъект, в синтезе трансцендентального воображения кропотливо сшивающий бесконечное множество темпоральных рядов (каждый из которых предполагает тотальность мира со всем его прошлым и будущим) в единое время⁹. Безоглядная расточитель-

8. Лейбниц Г. В. Порядок есть в природе. С. 128–129.

9. Время само является созерцанием, то есть непосредственно и целиком данным рядом, включающим в себя всю тотальность проходящего и наступающего, то есть весь временной ряд в целом. Если это так, то необходимо дополнительное действие, которое объединит временные ряды, возникающие с каждым созерцанием, в один ряд. Именно эту функцию и выполняет

ность, разбрасывающаяся мирами направо и налево, сменяется рачительной бережливостью: все идет в ход, ничто не пропадает зря, все времена намертво вшиваются в один общий ряд.

Агент шивающей деятельности перемещается из области божественного в область трансцендентального, а сама эта деятельность конкретизируется и превращается из селекции возможных миров в выстраивание временных рядов, призванное гарантировать единство субъекта и предотвратить «срывание времени с петель»¹⁰. Однако имманентизация остается частичной: мы (по крайней мере как эмпирические субъекты) не имеем никакого доступа к этой деятельности, которая предшествует любому опыту; и уж тем более не может идти речь о том, чтобы производить внутри этой деятельности какие бы то ни было манипуляции и переключения. Автомат синтеза установлен внутри нас, но остается для нас почти так же недостижим, как автомат божественного выбора-без-выбора. О главной основе его деятельности — схематизме трансцендентального воображения — мы по-прежнему не знаем практически ничего: Кант характеризует его как

...скрытое в глубине человеческой души искусство, настоящие приемы которого нам вряд ли когда-либо удастся угадать у природы и раскрыть¹¹.

5.

Теологические и трансцендентальные производственные отношения противостоят друг другу как селекция и сшивание. В обоих случаях предполагается множественность миров (или темпоральных рядов), претендующих на существование, в обоих случаях эта множественность носит скорее виртуальный и абстрактный характер: мы в конечном счете имеем дело только с одним миром и никак не можем этого изменить. Кантовская имманентизация, однако, проявляется не только в том, что поле деятельности переносится внутрь «субъективного», но прежде всего в том, что

трансцендентальный синтез воспроизведения в воображении — в соответствии с его описанием в первой редакции «трансцендентальной дедукции» в «Критике чистого разума» (*Кант И.* Критика чистого разума. С. 699–719; ср. также анализ Хайдеггера в его книге о Канте: *Хайдеггер М.* Кант и проблема метафизики. М.: Логос, 1997. С. 99–113). О различиях в статусе и характере синтезов воображения в первой и второй редакциях «Критики» см.: *Хайдеггер М.* Указ. соч. С. 92–98.

10. Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998. С. 117.

11. *Кант И.* Указ. соч. С. 223.

это субъективное оказывается способным производить интервенцию, вмешиваться в автономность рядов, требующих существования. Лейбницевский Бог довольствовался тем, что отбрасывал ряды вещей, несовместимые с тем, который содержит максимум существования, проходил мимо них, оставляя эти витрины в виртуальной неосуществленности; синтетическая деятельность кантовского субъекта заставляет различные взаимно несовместимые ряды становиться частью одного. «Подходит» и «не подходит» не перестают быть раз и навсегда заданной реальностью, про которую мы ничего не можем знать; однако выясняется, что возможна некоторого рода активная деятельность, основывающаяся на этом «подходит» и «не подходит», — хотя мы остаемся от этой деятельности всегда отделены и имеем дело только с ее результатом, всегда одним и тем же «чистым одно-за-другим».

В третьем типе производственных отношений на место отбрасывания и сшивания приходит вскакивание на подножку: миры становятся здесь проходящими мимо поездами, а для того, чтобы иметь с ними дело, нужно обладать везением (фортуной) и ловкостью (добродетелью) — уметь дожидаться нужного поезда, вскочить в него на ходу и вовремя выпрыгнуть, видя впереди взорванный мост или разобранные рельсы либо просто скучную и пыльную конечную станцию.

Обслуживающий машину по нарезанию миров в этих обстоятельствах агент активен, подобно кантовскому субъекту-ремесленнику, но, как лейбницевский Бог, он не довольствуется одним, а выбирает. Он имеет дело не с одним миром, а со множеством разных — но всегда с одним за раз. Этот режим характеризует состояние мысли на сегодняшний день в целом; в наиболее полной форме он выражен в «материализме встречи» Альтюссера¹².

В этой «философии дождя», реактуализирующей атомизм Эпикура и Лукреция как основу для «подводного течения», подспудно сопровождающего всю историю философии (вода сверху и вода снизу), возможные миры имманентизируются в еще большей степени, становясь масштабируемыми ситуациями: от общекосмологической и глобально-онтологической до конкретно политической (например, политическое состояние современной Макиавел-

12. *Althusser L. Le courant souterrain du matérialism de la rancontre // Idem. Ecrits philosophique et politique. P.: STOCK/ИМЕС, 1994. Т. 1. P. 553–597.* Философ-материалист в этих поздних заметках характеризуется как тот, кто «всегда вскакивает в поезд на ходу, как в американских вестернах. Не зная, откуда (исток) и куда (цель) он идет» (*Ibid.* P. 590).

ли Италии). Общей для всех этих ситуаций является их тотальная контингентность: любой мир — результат длящегося сцепления отклонившихся от своей орбиты атомов (однако их «вечный дождь» в пустоте продолжает оставаться фоном, сопровождающим всякую ситуацию). Любой смысл и любая бессмысленность, любой закон, любая цель существуют лишь в рамках этого «сцепления» — и постольку, поскольку оно длится.

А длиться это сцепление может прекратить в любой момент (а может и не прекратить — вообще говоря, весь «спекулятивный материализм» Мейясу¹³ с его идеей «гипер-хаоса» представляет собой лишь развитие этих поздних фрагментов Альтюссера). Именно поэтому имеющий дело с этими сцеплениями должен быть всегда начеку.

Можно было бы сказать, что главная деятельность этого «государя ситуаций» — менеджирование возможных миров, однако это менеджирование крайне ограниченное. Мы никогда не являемся тем, кто сцепляет вагоны и отправляет поезда (в этом — основа материализма Альтюссера: претендовать на иное означало бы пытаться подчинить внешнее мысли нашим «слишком человеческим» категориям, чем, собственно, постоянно и занимается метафизика, включая традиционный рациональный материализм, пытающаяся создать зонты и навесы причин и оснований для защиты от дождя алеаторного). Все, что нам остается, — это полагаться на везение (умение находиться в нужном месте, для того чтобы сталкиваться с нужными комбинациями атомов) плюс разрабатывать умения, необходимые, чтобы его использовать (удерживаться в этих комбинациях, а для этого прежде всего не обманывать себя иллюзиями об их вечности и твердой обоснованности).

Впрочем, здесь есть одна оговорка — и именно она делает возможным впервые запустить машину по нарезанию миров в имманентном и управляемом режиме.

В. Жестовое кодирование и типология сред

1.

Свою философию Альтюссер называет «алеаторным материализмом», а также «материализмом встречи» (*matérialisme de la rencontre*). Однако, возможно, более точным названием был бы «ма-

13. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015.

териализм схватки», поскольку именно схватывающее столкновение играет решающую роль в определении своеобразия позиции Альтюссера. Это своеобразие яснее всего в следующем абзаце, содержащем своего рода требование перехода от «алеаторного материализма» к «схватывающему материализму»:

Текст Лукреция достаточно ясен, чтобы обозначить то, что не может быть обозначено ничем в мире и что, несмотря на это, является истоком всякого мира. В «ничто» отклонения имеет место встреча между одним атомом и другим... параллелизм атомов, будучи однажды нарушенным, приводит к гигантскому крушению и сцеплению (*carrambolage et accrochage*) бесконечного числа атомов, из которого рождается мир (или миры: отсюда множественность возможных миров...). Отсюда форма порядка и форма бытия, рождающиеся из этого столкновения, детерминированные структурой встречи... отсюда и то, что может быть названо сродством и дополнительностью (*affinié et complémenté*) элементов, принимающих участие во встрече — их «подцепляемость» (*accrocchabilité*), [нужная] для того, чтобы это встреча «схватилась» (*prenne*), то есть «схватилась в форме», давая рождения все новым и новым Формам, *подобно тому как вода схватывается, когда ее сковывает лед, как молоко схватывается, когда оно сворачивается, как схватывается майонез, когда он затвердевает*¹⁴.

Настоящий материализм — это способность обозначить то, что не может быть обозначено ни в одном из возможных миров. Все способы обозначения относятся к области внутримирного, поскольку и смысл как таковой является лишь результатом столкновения и сцепления атомов. Более того, сами атомы до столкновения имеют скорее призрачную и виртуальную природу: по-настоящему реально именно смещение и искривление клинамена, первичное по отношению как к искривляемому, так и к тому, что из него производится¹⁵. И однако, мы можем говорить о том, что происходит в этой области теневого и призрачного: о «формах близости», делающих возможной «подцепляемость» между элементами или препятствующих ей, о принципах схватываемости¹⁶.

14. *Althusser L. Le courant souterrain du matérialism de la rancontre. P. 578–579. Курсив мой. — Й. Р.*

15. Именно способность к мышлению первичности «отклонения» определяет, согласно Альтюссеру, радикальность представителей «подводного течения» атомистической мысли (*Ibid. P. 555*).

16. Более подробный анализ проблемы «формы» атомов в поздних текстах Альтюссера вместе с попыткой связать ее с проблемой внутренних

Детализация и описание этих принципов позволили бы говорить о принципиально ином уровне «менеджирования миров»: речь здесь шла бы уже не о вскакивании на проходящий мимо поезд, а об активном участии в подборе вагонов и формировании составов (пусть и не полностью волюнтаристском, ограниченном принципами подцепляемости, но при этом вооруженном знанием об этих принципах и потому умеющем их использовать, возможно иногда и вопреки им, подобно тому как косою парус, не отменяя ветер, позволяет двигаться против него). Однако подобная детализация у Альтюссера отсутствует. Материализм «схватывания» остается материализмом «воды, молока и майонеза» — всего лишь намеком, описанием несистематизированных (хотя и феноменологически понятных) процессов сгущения.

2.

Возможна ли систематизация и типологизация «принципов сцепляемости»? На первый взгляд, мы сталкиваемся здесь с непреодолимой сложностью: все наши способы описания могут опираться лишь на «внутримирное», все формы и структуры являются следствием «сцепления» и потому не могут быть использованы для их описания. Однако если материализм и правда определяется своей способностью «описывать то, что не может быть описано», такая задача должна ему оказаться по силам. Не говоря уже о том, что без ее исполнения мы окажемся навсегда отчужденными от самого важного, что с нами происходит, — вечными детьми, так и не достигшими состояния просвещенности, зависимыми от богов и взрослых, сцепляющих вагоны у нас за спиной.

Сверхспособность, позволяющая нам стать активными манипуляторами машины, нарезающей миры, является прямым следствием нашей, казалось бы, ограниченности и специфически человеческой неуклюжести. В этом отношении следует продолжать идти путем имманентизации, намеченным в кантовской критической философии, и довести эту буржуазную революцию до завершения. Статус человека определяется тем, что он по сути своей является хромающим или переваливающимся с ноги на ногу существом: наш опыт состоит из двух принципиально не связанных аспектов или пластов, из понятий и ощущения, из рассудка и созерцания. Именно эту прин-

свойств вещей в «Логико-философском трактате» Витгенштейна см. в: *Suchtig W. Althusser's Late Thinking About Materialism // Historical Materialism. 2004. Vol. 12. № 1. P. 3–70.*

ципиальную хромоту пытаются свести на нет как рационалисты, так и эмпирицисты, утверждая, что одна из составляющих может быть редуцирована к другой и выведена из нее. Радикальность мысли Канта заключается в настаивании на парадоксальности нашей ситуации: опыт, то есть вся данная нам реальность, всегда состоит из двух абсолютно не связанных аспектов, которые при этом всегда оказываются связанными. Собственно, вся цель критической философии и заключается в том, чтобы дать отчет об этой парадоксальной ситуации — без того, чтобы поступиться ее парадоксальностью.

И эта готовность признать собственную слабость оказывается в итоге путем к сверхвыигрышу. Только хромающий в обоих аспектах может овладеть тем, что находится в промежутке, и обрести способность не только к перепрыгиванию, но и к перенарезанию собственного пути. На деле Кант продолжает здесь спинозистскую мысль: мы имеем доступ к двум атрибутам бесконечной субстанции, но именно в силу этой двойственности можем сделать объектом своего знания ту «связь», которая является общей как для идей, так и для вещей, то есть субстанцию, разворачивающуюся в интеллектуальной любви.

3.

Мы всегда имеем дело с конкретными типами связывания: со связыванием понятий в суждении или со связыванием чувственных представлений в созерцании (правда, материалистическая антропология без труда убедит нас в том, что как спинозовская «протяженность», так и кантовская «чувственность» — лишь псевдонимы, фальсифицирующие и маскирующие практику; но в настоящий момент составляющие двойственности менее важны, чем указание на фундаментальный факт ее наличия). Однако наш опыт всегда является удерживанием вместе того и другого; и обратить на это внимание — значит получить возможность выявляющего отслоения удерживания-вместе как такового.

Трансцендентальный схематизм — та область, в которой кантовская философия в наибольшей степени приближается к формулировке общих принципов этого синтеза всех синтезов: чистого зацепления и схватывания. По крайней мере, Кант дает понять, как именно разворачивается та сверхспособность, в которой мы выходим за пределы собственной ограниченности именно благодаря ее признанию.

Схема — это «общий способ, каким воображение доставляет понятию образ». Так, например, схема собаки — это «прави-

ло, согласно которому мое воображение может нарисовать четвероногое животное в общем виде, не будучи ограниченным каким-либо единичным частным обликом, данным мне в опыте или же каким бы то ни было возможным образом *in concreto*»¹⁷. Речь идет не о каком-либо конкретном изображении собаки, но также и не об общем понятии, которое может быть применено ко множеству частных случаев (область схематизма изначально описывается как «третье», родственное, с одной стороны, рассудку и понятийности, а с другой — явлениям и чувственности)¹⁸.

Схема — это совокупность правил, протокол, состоящий из последовательности некоторого «вот так и вот туда, а потом чуть пониже, направо и резко вверх» или, скорее, если следовать кантовскому примеру, «точка, точка, запятая, ручки, ножки, огуречик». В результате получается собачка, человек или время.

То, что речь в кантовском определении идет о рисунке, не должно вводить в заблуждение (хотя само отнесение схематизма к области «воображения» и способствует подобной неясности, несмотря на настойчивые попытки Канта отделить схему от образа; в конечном итоге именно оно приводит к тому, что кантовская революция оказывается прерванной¹⁹). Схема — это не ри-

17. Кант И. Критика чистого разума. С. 223.

18. Там же. С. 220–221.

19. Хайдеггер справедливо указывает на схематизм трансцендентального воображения как на подлинную сердцевину кантовской философии и как на тот прорыв, с которым сам Кант не смог совладать (об этом, в частности, свидетельствуют перемены в статусе трансцендентального воображения во второй редакции «Критики чистого разума»). Однако анализ Хайдеггера остается сосредоточенным на временности и конечности, абстрагируясь при этом от жестового характера схематизма. В этом отношении хайдеггеровская попытка продолжить прерванную революцию Канта должна быть соединением с критикой Андрея Белого: «Продуцирующее начало положено Кантом внутри мира продуктов, как один из продуктов; неудивительно, что учение о схематизме понятий у Канта есть тень понятия на предмете; или тень предметного мира в беспредметном понятии; между тем понятия и предметы суть тени схемы...» (Белый А. Жезл Аарона // Жезл Аарона: работы по теории слова 1916–1927. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 102). «Схема схем» размещается Белым в области «корневого слова» и «миофа», однако в итоге определяется именно как жест: «В жестикуляции, в немой гамме жестов, в аккомпанементе глаз, в интонациях голоса прорезается не рожденный еще новый Разум поэзии в стертых смыслах понятий и в звуковом грохотанье так тупо гласящего корня» (Там же. С. 110). Подробнее о месте жеста в теориях Белого и о важности жеста для русского авангарда в целом см.: Сироткина И. Шестое чувство авангарда: танец, движение, кинестезия в жизни поэтов и художников. СПб.: ЕУСПб, 2014. С. 52–111.

сунок, а последовательность жестов, необходимых для того, чтобы его произвести. И если в случае эмпирических схем речь идет о последовательности жестов, необходимых, чтобы нарисовать собаку или человека, в случае трансцендентального схематизма мы имеем дело с последовательностью жестов, необходимых для того, чтобы соединять чистое априорное соединение как таковое. Вначале было не слово и не дело, а жест.

4.

Схематизм жеста, окончательно освобожденного от погружения в образ, и должен стать основой для принципов кодификации поля «сцепляемости», позволяющего производить операции в зоне, предшествующей формированию ситуаций и миров и детерминирующей это формирование. Этот базисный код, формализующий минимальную и предельную содержательность, определяющую конкретные сцепления, с которыми мы имеем дело и которые вообще возможны внутри миров и на их границах, — этот код имеет четверичный характер. Если обратить внимание на жестовую природу базисных принципов соединения, это позволяет избежать как чрезмерной абстракции двоичного кода, оставляющего слишком многое за пределами области вычисляемого, так и чрезмерной множественности цветущего многообразия событийных интервенций, «живущих несравнимых», претендующих на то, чтобы быть не автоматизируемыми, и отданных на откуп субъективному волюнтаризму²⁰.

Основа для «универсальной характеристики»²¹, для букв и слов, позволяющих читать и переписывать миры и их сцепления, не мо-

20. Именно эта дихотомия является главной проблемой философии Алена Бадью. Справедливо опираясь на отношение «принадлежности» как на базисный элемент онтологии, первичный по отношению к понятию «множества» (именно эта первичность и отказ от попыток какого бы то ни было определения «множества», кроме операционального, заставляет Бадью предпочесть аксиоматику Цермело–Френкеля попытке интуитивного и семантического определения множества у Кантора и Фреге (*Badiou A. L'être et l'événement*. P.: Seuil, 1988. P. 49–60). Бадью абстрагируется от тех способов, которыми может осуществляться принадлежность. Именно эта абстракция и вытеснение минимума формальной содержательности ведут к «возвращению вытесненного» в волюнтаристском «ультра-едином» совпадении, оказывающемся принципиально выведенным за пределы всякой исчислимости и отданном полностью на откуп волюнтаристского субъективного «именования».

21. Об идее «универсальной характеристики» Лейбница и ее связи с двоичным исчислением см.: *Яковлев В. М. Предисловие // Лейбниц Г. В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления*. М.: ИФ РАН, 2005. С. 7–63.

жет быть ничем иным, кроме базисного факта соединенности или разъединенности. Однако этот двоичный код остается чрезмерно абстрактным, не задавая базисным кантовским вопросом о том, как возможно соединение разъединенного (то есть синтез). Постановка этого вопроса на уровне жестового схематизма, жестов, первичных по отношению ко всякому носителю и ко всякому объекту, ко всякой телеологии и ко всякому выражению, заключающая это все в скобки, может привести к единственно возможному выводу. Соединение разделенного возможно либо как сохранение максимума соединенности в условиях разделения, либо как сохранение максимума разделенности в условиях соединения, то есть либо как минимальное проникновение, либо как максимальное прилегание.

Минимальное проникновение и максимальное прилегание — это атрибуты удерживания-вместе-разделенного-как-такового, первичные детерминации всякого соединения²². И это также предельные необходимости, детерминирующие всякое мышление и всякое действие. Это те предельные элементы внешнего, определяющего нас, которые мы признаем как материалисты, однако как материалистические диалектики утверждаем возможность «воспитания воспитателей» — действия, направленного на эти базисные элементы и трансформирующего их в соответствии с их собственными протоколами и законами.

5.

Задача этой статьи — выявить те первичные знаки, с помощью которых эти протоколы могут быть составлены и прочитаны. Базисный четверичный код является основой для подобного чтения. Соединенности и разъединенности могут осуществляться как минимальное проникновение и максимальное прилегание — соответственно, мы получаем четыре базисные характеристики для любого состояния разделенных элементов: соединенность/разъединенность в модусе минимального проникновения и соединенность/разъединенность в модусе максимального прилегания. Напишем их как МнПро+, МнПро-, МксПрл+ и МксПрл-.

Любая ситуация может быть описана с помощью цепочки кода из этих четырех базисных элементов, составляющих своего рода тетраграмматон исчисления миров. Однако между качественными и смысловыми наполненностями ситуаций и этим базовым кодом

22. Об онтологическом основании для такого определения см.: *Регев Й.* Коинциденология: краткий трактат о методе. С. 14–20.

существует промежуточный и опосредующий уровень. Для разворачивания универсальной характеристики необходимо указать на основные составляющие этого промежуточного уровня — уровня сред. Речь идет о своего рода базисных словах, составляющихся из первичных жестовых букв и являющихся, в свою очередь, основой для всех последующих, более развернутых высказываний.

Жестовые среды — это минимальное проникновение и максимальное прилегание в их конкретном разворачивании, удерживание-вместе-разделенного для ситуаций и миров. В этом конкретном разворачивании минимум и максимум могут быть даны лишь как предел, как точка, находящаяся между двумя полюсами. Поэтому конкретное разворачивание каждого типа соприкосновения является основанием для трех типов сред: полюс соединения — середина — полюс разъединения. Тот факт, что середина в наибольшей степени выражает суть способа соприкосновения, дает основу для первичной внутрисредовой иерархии и деления сред на более близкие и более далекие по отношению к изначальному коду (то есть к атрибутам удерживания-вместе-разделенного для себя).

Помимо этого, могут быть выделены среды чистые (определяющиеся полным господством того или иного типа соприкосновения) и среды смешанные, в которых один из типов соприкосновения обладает преимуществом, но не полностью вытесняет другой. Здесь иерархия сред усложняется и становится диалектической: с одной стороны, чистые среды более отчетливо выражают суть детерминирующего их жеста-атрибута; с другой же стороны, смешанные среды, хотя и наделены меньшей отчетливостью, с большей ясностью выражают изначальную двойную детерминированность удерживания-вместе-разделенного как удерживания двух типов соприкосновения. В зависимости от констелляции, складывающейся в той или иной ситуации, может быть необходимо уравнивание отчетливости чистого ясностью смешанного и наоборот.

б.

Перечислим здесь чистые и первично смешанные среды. Начнем с максимального прилегания. Средой предела, дающей в промежутке между двумя полюсами и наиболее полно выражающей суть атрибута (обозначим ее как МксПрл=), будет упругость или эластичность. Двумя полюсами же (соответственно, МксПрл– и МксПрл+) являются для максимального прилегания, с одной стороны, отскок (упругость, полностью реализовавшая свою отталкивающую силу и оттого переставшая быть упруго-

стью), а с другой — твердость, непроницаемость (преодоленная упругость). Твердость и отскакивание — это две составляющие упругости, на которые она может распадаться, но которые даже и в этом распаде хранят о ней память и несут на себе ее отпечаток.

Для минимального проникновения же средой предела (МнПро=) будет цепляние со всеми его разновидностями (подцепление, запутывание), а средами-полюсами, на которое оно распадается, — разрыв (прерванное запутывание, МнПро-) и зияние, провал (проникновение, проникающее настолько далеко, что оно перестает быть проникновением МнПро+).

(Здесь следует сразу отметить, что различие между положительными полюсами модусов (твердостью и провалом) очевидно, а между отрицательными (отскоком и разрывом) может показаться несущественным. Отрицание связи как будто бы уравнивает между собой ситуации ее отсутствия, однако это всего лишь ложная абстракция нигилизма; в реальности отсутствие связи в результате отскока существенно отличается от ее отсутствия в результате разрыва, и очень многие наши проблемы коренятся в том, что мы пытаемся разорвать то, от чего можно лишь отскочить, и наоборот.)

Помимо этих чистых сред, определяющих ситуации тотального перевеса одного из типов соприкосновения, взаимодействие атрибутов предполагает также ситуации частичного перевеса, где один из них преобладает, но не до конца уничтожает влияние второго, а потому это вытесненное второе способно на своего рода партизанскую деятельность в тылу врага, в результате которой оно оставляет свой отпечаток на доминирующей среде или производит ее заражение. Обозначим эти ситуации соответственно как МнПро→МксПрл (максимальное прилегание преобладает над минимальным проникновением) и МксПрл→МнПро (минимальное проникновение преобладает над максимальным прилеганием).

Для каждой из них также возможны три состояния: двух полюсов и предела. Для ситуации не-стирающего доминирования максимального прилегания такими состояниями будут скольжение МнПро→МксПрл= (упругость, зараженная проникновением), распадающееся в противоположности прилипания (заторможенное скольжение МнПро→МксПрл+) и ухабистости, тряски (МнПро→МксПрл-, разрыв путем соскальзывания). Для ситуации же доминирования минимального проникновения тремя смешанными средами будут погружение (МксПрл→МнПро=, зацепление, на которое наложен отпечаток упругости) и его распад в ступени или разреженности: увязание (МксПрл→МнПро+) и выталкивание (МксПрл→МнПро-).

Подведем итоги этому рассмотрению в таблице базисных сред.

		Смешанные	
		МнПро→МксПрл	
		Ухаби́стость (МнПро→МксПрл-)	
		Скольжение (МнПро→МксПрл=)	
		Прилипа́ние (МнПро→МксПрл+)	
	МксПрл		МнПро
Чистые	Отскакивание (МксПрл-)		Разрыв (МнПро-)
	Упругость (МксПрл=)		Цепляние (МнПро=)
	Непроницаемость (МксПрл+)		Зияние (МнПро+)
		МксПрл→МнПро	
		Выталкивание (МксПрл→МнПро+)	
		Погружение (МксПрл→МнПро=)	
		Засасывание (МксПрл→МнПро-)	

С. Направления дальнейшей работы

Четверичный код и основанные на нем двенадцать первичных сред представляют собой базисные термины того языка, с помощью которого мы можем иметь дело с «принципами сцепляемости» — с той областью «сгущающегося», «застывающего», «засыхающего», на которую пусть и в не-систематизированном и разрозненном виде указывает «алеаторный материализм» Альтюссера. Само собой, речь здесь идет лишь о началах системы: из сочетания этих первичных сред могут и должны выводиться вторичные

(такие, например, как сыпучесть, зыбкость, пушистость и т. д.). Код машины по нарезанию миров — открытый код, и его развитие является важной задачей для дальнейшего исследования.

Но еще более важным вопросом представляется другой — вопрос о протоколах задействия этой машины по нарезанию миров. Здесь был представлен лишь базисный код, необходимый для обоснования ее возможности. Прежде всего было выявлено само поле «первосцепляемого», в котором осуществляется деятельность этой машины. После же был указан путь к тому, чтобы это поле не оставалась областью интуиций и вдохновений, описываемых лишь метафорами, но сделалось объектом систематизированного и исчисляемого анализа. Для этого необходимо было выявить суть этой области «первосцепляемого» как области схематически-жестового, указать на базовые элементы, необходимые для кодификации этого поля (четверичный код типов минимального соприкосновения), и далее продемонстрировать те первичные формации, в которые входят эти базовые элементы (шесть чистых и шесть смешанных сред).

Все это позволяет, пусть и в предварительной форме, указать на тот «матезис», что лежит в основании функционирования новой машины. Однако пока остается совсем неясным, как именно должна действовать эта машина. Выше (А.2) ее функционирование было кратко описано с помощью модели «превращения империалистической войны в гражданскую» — как выявление основного конфликта ситуации и раскраивающее перенарезание его сторон. Однако пока что мы можем лишь смутно представлять себе, как осуществляется такое «наведение машины» на имеющийся в ее распоряжении материал, его первичная обработка и оптимальное микширование.

Материалистический подход заключается не только в указании на базисные «необходимости внешнего», определяющие наше сознание и нашу практику; он не может не основываться на «конкретном анализе конкретных обстоятельств». Исчисление сред указывает на то, какими должны быть базисные элементы подобной деятельности по оптимальному микшированию. Однако нам еще остается указать на тот метод, которым выявляются эти имеющиеся в нашем распоряжении миры, на те практики, с помощью которых это выявление может быть произведено, и далее на те конкретные способы, благодаря которым осуществляется перенарезание. Таково главное направление дальнейшей работы.

Библиография

- Белый А. Жезл Аарона // Он же. Жезл Аарона: работы по теории слова 1916–1927. М.: ИМЛИ РАН, 2018.
- Делёз Ж. Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.
- Делёз Ж. Складка: Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1998.
- Кант И. Критика чистого разума // Собр. соч.: В 6 т. М.: Мысль, 1964. Т. 3.
- Лейбниц Г. В. Порядок есть в природе // Собр. соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1.
- Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности. Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2015.
- Регев Й. Коинциденология: краткий трактат о методе. СПб.: demarche, 2015.
- Сироткина И. Шестое чувство авангарда: танец, движение, кинестезия в жизни поэтов и художников. СПб.: ЕУСПб, 2014.
- Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. М.: Логос, 1997.
- Яковлев В. М. Предисловие // Лейбниц Г. В. Письма и эссе о китайской философии и двоичной системе исчисления. М.: ИФ РАН, 2005. С. 7–63.
- Althusser L. Le courant souterrain du matérialism de la rancontre // Idem. Ecrits philosophique et politique. P.: STOCK/IMEC, 1994. Т. 1. P. 553–597.
- Badiou A. L'être et l'événement. P.: Seuil, 1988.
- Luria I. Shaar mamarey Razal (The Gate of Sayings of the Wise). Jerusalem: A haim ve ha shalom, 1978.
- Paquinelli M. The Automaton of the Antropocene: On Carbosilicon Machines and Cyberfossil Capital // South Atlantic Quarterly. 2017. Vol. 116. № 2. P. 311–326.
- Suchtig W. Althusser's Late Thinking About Materialism // Historical Materialism. 2004. Vol. 12. № 1. P. 3–70.
- Yakira E. Contrainte, nécessité, choix: la métaphysique de la liberté chez Spinoza et chez Leibniz. Zurich: Editions du Grand Midi, 1989.

AN INTRODUCTION TO THE CALCULUS OF ENVIRONMENTS

YOEL REGEV. Associate Professor, *Stasis* Center for Practical Philosophy,
yoel.regev@gmail.com.

European University at St. Petersburg (EUSPb), 6a Gagarinskaya St., 191187 St.
Petersburg, Russia.

Keywords: Louis Althusser; Immanuel Kant; Gottfried Wilhelm von Leibniz; Lucretius; Matteo Pasquinelli; aleatory materialism; atomism; gesture; transcendental schematism; TJing.

The paper deals with the modern appropriation of Lucretius' atomistic philosophy as presented in Louis Althusser's late writings. The aleatory materialism that Althusser elaborated in some fragments from the 1980s argues for the total contingency of any world, which is nothing but an accidental clutch of atoms resulting from a Lucretian clinamen. Althusser interprets "world" in a broad sense as referring both to cosmological and ontological global arrangements and also to particular political and practical states of affairs. By claiming that thought and necessity are always determined by a certain connection among atoms, Althusser touches upon the problem of the "principles of cohesion" — the sub-semantic field which determines the semantic but is not itself semantic. However, these principles are described by Althusser only metaphorically and without further elaboration.

The paper proposes a further development of these principles derived from aleatory materialism. Althusser's late writings are placed in the context of Leibniz and Kant's thought in order to clarify the importance of Althusser's problematics for time dj-ing, or TJ-ing — the immanent protocols for intercutting between and stitching together possible worlds and time-series. Building upon Kant's concept of transcendental schematism, the paper proposes a system of quaternary gestural code and twelve basic environmental types which provide an immanent answer to the question of what principles govern the clutching of atoms. This in turn forms the basis for the operation of a new kind of computer as an alternative to the two basic New Age kinds of machinery based either on carbon-energy or silicon-information.

DOI: 10.22394/0869-5377-2020-5-1-20

References

- Althusser L. *Le courant souterrain du matérialisme de la rancontre. Ecrits philosophique et politique*, Paris, STOCK/IMEC, 1994, t. 1, pp. 553–597.
- Badiou A. *L'être et l'événement*, Paris, Seuil, 1988.
- Bely A. Zhezl Aarona [Aaron's Rod]. *Zhezl Aarona: raboty po teorii slova 1916–1927* [Aaron's Rod: Works in Word Theory 1916–1927], Moscow, IMLI RAN, 2018.
- Deleuze G. *Razlichie i povtorenie* [Différence et répétition], Saint Petersburg, Petropolis, 1998.
- Deleuze G. *Skladka: Leibnits i barokko* [Le Pli. Leibniz et le Baroque], Moscow, Logos, 1998.
- Heidegger M. *Kant i problema metafiziki* [Kant und das Problem der Metaphysik], Moscow, Logos, 1997.
- Iakovlev V.M. Predislovie [Introduction]. In: Leibniz G. W. *Pis'ma i esse o kitaiskoi filosofii i dvoichnoi sisteme ischisleniia* [Letters and Essays on Chinese Philosophy and Binary Calculus], Moscow, IF RAN, 2005, pp. 7–63.

- Kant I. Kritika chistogo razuma [Kritik der reinen Vernunft]. *Sobr. soch.:* V 6 t. [Collected Works: In 6 vols], Moscow, Mysl', 1964, vol. 3.
- Leibniz G. W. Poriadok est' v prirode [Ratio est in Natura]. *Sobr. soch.:* V 4 t. [Collected Works: In 4 vols], Moscow, Mysl', 1982, vol. 1.
- Luria I. *Shaar mamarey Razal (The Gate of Sayings of the Wise)*, Jerusalem, A haim ve ha shalom, 1978.
- Meillassoux Q. *Posle konechnosti. Esse o neobkhodimosti kontingentnosti* [Après la finitude. Essai sur la nécessité de la contingence], Yekaterinburg, Kabinetnyi uchenyi, 2015.
- Pasquinelli M. The Automaton of the Antropocene: On Carbonsilicon Machines and Cyberfossil Capital. *South Atlantic Quarterly*, 2017, vol. 116, no. 2, pp. 311–326.
- Regev Y. *Koinsidentologiya: kratkii traktat o metode* [Coincidentology: Short Treatise on the Method], Saint Petersburg, demarche, 2015.
- Sirotkina I. *Shestoe chuvstvo avangarda: tanets, dvizhenie, kinesteziia v zhizni poetov i khudozhnikov* [The Sixth Sense of the Avant-Garde. Dance, Kinaesthesia and the Arts in Revolutionary Russia], Saint Petersburg, EUSPb, 2014.
- Suchtig W. Althusser's Late Thinking About Materialism. *Historical Materialism*, 2004, vol. 12, no. 1, pp. 3–70.
- Yakira E. *Contrainte, nécessité, choix: la métaphysique de la liberté chez Spinoza et chez Leibniz*, Zurich, Editions du Grand Midi, 1989.